
В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

«Прыжок с Кюрасао» и ликвидация Венесуэльской революционной партии

Коминтерн, отказавшись поддержать вооруженную экспедицию Венесуэльской революционной партии против диктаторского режима Х.В.Гомеса, поставил вопрос о ликвидации самой партии и создании взамен Коммунистической партии. Активисты революционной партии предприняли попытку высадки с острова Кюрасао, но она не увенчалась успехом. В статье анализируются взаимоотношения Коминтерна и венесуэльской эмиграции в 1929—1930 гг., рассматриваются различные подходы к формированию партии в Венесуэле.

Ключевые слова: Венесуэльская революционная партия, Коммунистическая партия Венесуэлы, Коминтерн, Густаво Мачадо, Сальвадор де ла Пласа, Рикардо Мартинес, «Прыжок с Кюрасао», каудильзм.

ПУТЬ В ВЕНЕСУЭЛУ ЧЕРЕЗ КЮРАСАО

Уже через два дня после встречи с представителем Коминтерна Михаилом Григорьевичем Грольманом (Педро), состоявшейся в Мехико 15 апреля 1929 г., генеральный секретарь Венесуэльской революционной партии (Partido Revolucionario de Venezuela, PRV) Густаво Мачадо с группой соратников выехал на о. Кюрасао. В этой нидерландской колонии жили около 5 тыс. венесуэльцев, в основном работавших на нефтеперерабатывающем заводе «Royal Dutch Shell». В г. Виллемстаде еще в октябре 1928 г. была сформирована партиячейка, активно действовавшая до убийства 24 января 1929 г. ее руководителя Иларио Монтенегро. Несмотря на заявление голландских колониальных властей о невозможности гарантировать на острове безопасность членам партии, с приездом группы Мачадо работа ячейки активизировалась. В мае был создан Генеральный союз трудящихся (Unión General de los Trabajadores, UGT) на Кюрасао, к которому, по утверждениям Мачадо, еженедельно присоединялись от 25 до 30 человек. Членам PRV удалось сорвать

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений СПбГУ; **Лазарь Соломонович Хейфец** — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований СПбГУ, научный руководитель Кабинета иберо-американской документации (ilaranspb@hotmail.com).

Первую статью цикла см.: В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец. Предтечи. Размышления о предтечии Коммунистической партии Венесуэлы. — Латинская Америка, 2012, № 3.

проводившуюся на острове вербовку в армию венесуэльского диктатора Хуана Висенте Гомеса (1908—1935) и организовать забастовку против депортации в Венесуэлу арестованных за политическую деятельность; ими был создан Комитет защиты преследуемых рабочих и опубликован манифест «Правит ли Гомес в Кюрасао?»¹.

Эта деятельность «выместила дорогу» к главной цели революционеров. Обсудив ситуацию, местная ячейка PRV констатировала «единодушную ненависть рабочих Кюрасао, Венесуэлы и Доминиканы² к военному (венесуэльскому) и колониальному правительствам; желание отомстить за смерть любимого вождя, старого Иларио Монтенегро». Соратники Мачадо признали диктатуру генерала Гомеса «преступной», решив завладеть оружием и боеприпасами, начать восстание, и, обеспечив себе плацдарм на территории Венесуэлы, «возглавить революционное движение против правительства Гомеса — инструмента империализма»³.

К военному руководству восстанием был привлечен генерал Рафаэль Симон Урбина⁴, по оценке Г. Мачадо являвшийся «врагом «милитаристов», много лет правивших Венесуэлой, и проявивший «весьма сильные антиимпериалистические убеждения» (генерал, однако, основывался в большей степени на национализме, чем на социально-экономическом анализе)⁵. До приезда в Кюрасао Урбина не был посвящен в подробности планов повстанцев, но для него и других офицеров — не членов PRV — взгляды Мачадо не являлись секретом.

8 июня 1929 г. повстанцы, вооруженные 27 мачете, пистолетом и топорами, на двух грузовиках прорвались в форт г. Виллемстада, практически мгновенно овладев им⁶. Едва это стало известно в городе, многие венесуэльские рабочие направились в форт, чтобы получить оружие. К несчастью для революционеров большая часть боеприпасов и винтовок оказалась непригодной. Участники акции арестовали нидерландского губернатора и начальника военной полиции. Под давлением инсургентов губернатор договорился с паровой компанией о фрахте парохода «Маракайбо», наилучшим образом подходившего для быстрой отправки экспедиции к венесуэльским берегам, поскольку он прибыл всего за несколько часов до этого и стоял под парами. Как писал колумбийский журналист Плинио Апулейо Мендоса, Мачадо «обрел судно, которое 10 лет искал в Париже, Москве и Мехико»⁷. На несколько часов Кюрасао стал венесуэльским.

Численность экспедиции была определена количеством оружия (винтовки только для 250 человек и полторы тысячи патронов). Штабу восстания пришлось оставить на Кюрасао значительную часть возможных волонтеров и только это — как позднее утверждал Мачадо — позволило Гомесу удержаться у власти⁸. Как часто потом он должен был вспоминать об арсе-

Густаво Мачадо (слева) и генерал Рафаэль Симон Урбина, 1929 г.

нале, обещанном мексиканскими властями, и о функционерах Коминтерна, отказавших в средствах на аренду парохода⁹! Прекрасно осознавая возможность военной неудачи из-за нехватки вооружения, руководители экспедиции все же сочли недопустимым оставаться дальше на Кюрасао, чтобы «не жертвовать бесплодно лучшими товарищами».

Утром 9 июня революционеры высадились около городка Ла-Вела-де-Коро (штат Фалькон), а уже через два часа они вступили в бой с правительственной армией. Несмотря на локальный успех, наступление застопорилось из-за недостатка вооружения; повстанцы так и не смогли овладеть находившимся неподалеку более крупным городом Коро. На протяжении 20 дней произошло четыре вооруженных стычки между революционерами и войсками Гомеса, в ходе которых удача была на стороне инсургентов. Однако вскоре боеприпасы закончились, и участникам экспедиции пришлось отступить и рассеяться по окрестным плантациям и горным деревням. Мачадо, генерал Урбина и его заместитель полковник Олегарио Рейес постоянно меняли убежище. Для проведения контрповстанческой операции правительство задействовало более тысячи человек. В горах у членов PRV осталось лишь одно оружие — пропаганда революционных идей среди пеонов¹⁰.

На практике это оказалось довольно трудным, поскольку крестьян мало интересовала какая-либо идеология. В этих условиях активисты PRV сделали ставку на использование фактора личной популярности Урбины — выходца из этих мест¹¹. Конечно же, это не имело ни малейшего отношения к закреплению революционных идей в умах венесуэльских крестьян. Поставленная Коминтерном и Коммунистической партией Мексики (Partido Comunista de México, PCM) сверхзадача — проникновение в промышленные районы страны и последующее развертывание там организационной работы по созданию компартии — оказалась невыполнимой. В то же время определенные перспективы для революционной пропаганды открывались в связи с наличием в крестьянской среде рабочих, вернувшихся домой из Маракайбо из-за экономического кризиса. Их менталитет, как считал Мачадо, резко отличался от мировоззрения пеона «антиимпериалистической направленностью и ненавистью к «иностраницу-гринго», который угнетал его, эксплуатировал его, пока он был на нефтяных месторождениях»¹². По мнению лидера PRV, рано или поздно пеоны должны были снова влиться в ряды пролетариата, став катализатором для проведения коммунистической пропаганды.

«Прыжок с Кюрасао» был в определенном смысле актом отчаяния. План вторжения, вынашивавшийся членами PRV годами и обсуждавшийся на самом высоком уровне с руководителями Мексики и Коминтерна, потерпел крах из-за обструкционистской политики высокопоставленных партнеров венесуэльских революционеров по переговорам. Акция готовилась второпях, при отсутствии необходимой материальной и организационной базы. Но революционное нетерпение, как это часто бывает в истории, взяло верх над политическим расчетом.

Могли ли победить повстанцы в Венесуэле в 1929 г.? В случае объединения усилий руководителей всех повстанческих группировок в стране, пережившей бурные события 1928 г., разбудившие доселе дремавшее венесуэльское общество, шансы на успех были достаточно велики. Но руководители экспедиций и вооруженных выступлений (а, несомненно, и Дельгадо Чальбо, и Аревало Седеньо, и Хосе Рафаэль Габальдон были классическими латиноамериканскими каудильо) не были готовы пойти на союз не только с коммунистами — руководителями PRV, с которыми их разделяли глубокие, непримиримые идеологические противоречия, но и друг с другом. Каждый из них и стоявшие за ними группировки претендовали на

единоличное управление страной после свержения Гомеса. Но, может быть, более мягкую, но диктатуру... Являлись ли сами каудильо лидерами PRV? Несомненно, нет. Однако, программа Коминтерна, которой они руководствовались, ориентировалась на диктатуру пролетариата. И что тогда, в случае их победы, ждало Венесуэлу?

Поражение «Прыжка с Кюрасао» заставило Мачадо и его товарищей переосмыслить перспективы антидиктаторской борьбы, задуматься о линии поведения революционеров в момент, когда падет режим Гомеса. Лидер коммунистической группы PRV считал невозможным развивать пропаганду и организационную деятельность в Венесуэле в мирных условиях, опасаясь физической ликвидации агитаторов без каких-либо видимых последствий в сфере привлечения новых сторонников. Коммунисты были убеждены в возможности развернуть реальную пропаганду только тогда, когда «крестьяне и рабочие Венесуэлы вооружатся для своей защиты» от правительственных репрессий¹³.

Но жизнь фантастичнее любой пьесы. У победы — много родителей, поражение же — всегда сирота. Высшее руководство Коминтерна не ощущало своей ответственности за поражение венесуэльских революционеров. Тем не менее виноватые должны были быть найдены. Ими, естественно, стали PRV и персонально Мачадо. Судьба PRV была решена еще до отчаянной акции: не на полях сражений, а в кабинетах и на нелегальных квартирах партийных функционеров (на Охотном ряду в Москве, в Нью-Йорке и Мехико).

КОМИНТЕРН ПРОТИВ «ПУТЧИСТОВ»

Линия на вооруженное восстание против диктатуры, которой придерживалась PRV при поддержке мексиканской компартии, подверглась резкой критике на Первой конференции компартий Латинской Америки (Буэнос-Айрес, 1—12 июня 1929 г.), проходившей практически одновременно с «Прыжком с Кюрасао». Обсуждение «венесуэльского вопроса» не стояло в повестке дня. Однако проблемы революционного движения в стране и деятельность PRV достаточно эмоционально дебатировались в связи с дискуссией о противопоставленном каудильизму буржуазному «революционному каудильизму», идеологом которого был объявлен мексиканский делегат «Суарес» (знаменитый мексиканский художник и член Исполкома РСМ Хосе Давид Альфаро Сикейрос), заявивший: «Объективные и субъективные условия Латинской Америки являются откровенно революционными. <...> Если мы немедленно не возьмемся за оружие, то совершим серьезную ошибку». На эту позицию обрушился секретарь Южноамериканского секретариата Коминтерна аргентинец Викторио Кодовилья: «Самое главное для Суареса — действовать вне зависимости от результатов, поскольку в случае разгрома остается возможность уйти в сьерру»¹⁴. На пленарных заседаниях конференции Сикейрос стал воистину «мальчиком для битья». Возражая делегату РСМ, Кодовилья настаивал на том, что революции без серьезных объективных предпосылок быть не может, что она не может развиваться иначе, кроме как по пути массового движения. Его поддержал представитель Коминтерна «Луис» (швейцарец Жюль Эмбер-Дро), предупреждавший против революционного нетерпения. «... без движения масс нет революции. Нам нужна революция, а не голова [Хуана Висенте] Гомеса <...>, она даст <...> землю крестьянам, власть трудящимся и уверенность в мирном и процветающем трудовом будущем», подчеркивал делегат Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ)¹⁵. «Совершенно ясно, говорил он [Сикейрос], что в Латинской Америке нель-

зя организовать партии, как в остальном мире, и это зависит от расовых особенностей, от особенностей темперамента, это зависит от всего прошлого, на протяжении которого не удавалось создать коммунистические партии. Как же организовать революцию без партии? При помощи смелых и энергичных действий партизан (каудильос), при помощи выступлений военачальников, которые могут увлечь за собой массы и вести партизанскую войну. Он развивает целую теорию по вопросу о революционном каудильизме, долженствующем заменить собой партии...»¹⁶.

Таким образом, публично руководители конференции отметили возможность вооруженного выступления против диктатуры без серьезных объективных предпосылок, настаивали на развертывании массового движения для осуществления революции. Организация компартий как боевого авангарда трудящихся, их тесная связь с массами и мобилизация их на борьбу — на решение именно этих задач нацеливала конференция латиноамериканских коммунистов.

Авторы вышедшей в свет в конце 60-х годов официальной истории Коминтерна упрекали Сикейроса в попытке убедить делегатов «не терять времени на ожидание пролетарской революции, а <...> создавать очаги восстания в каждом районе». Эта точка зрения трактовалась своеобразным «Кратким курсом истории Коминтерна» как «проявление субъективизма, которое на практике вело к ликвидации пролетарских партий, к их растворению в мелкобуржуазной стихии»¹⁷.

На самом деле ни Сикейрос, ни лидеры PRV вовсе не являлись идейными предшественниками Че Гевары и Режи Дебре, считавших партизанский отряд адекватной заменой политической партии в условиях перманентно существовавшей в Латинской Америке революционной ситуации. Однако и представители Коминтерна не выглядели яростными противниками вооруженного пути революции. Сикейрос говорил о конкретной ситуации в Мексике во время антиправительственного мятежа, который мог привести к диктатуре. В этих условиях, по его мнению, следовало призвать к революции. Пассивность неизбежно вела бы к уничтожению партии «посредством такого же террора, который развернули против движения кристерос»¹⁸.

Возможность вооруженной борьбы в Мексике Сикейрос связывал с опытом других латиноамериканских стран: «Настал решающий час для партии. У нас есть оружие, и все готово для начала борьбы. Можем ли мы позволить разоружить и уничтожить нас? Наша задача состоит в том, чтобы создать Сандино¹⁹ в каждом штате, развернуть партизанскую борьбу. Это найдет отклик в других странах Латинской Америки и сформирует, возможно, другие вооруженные движения, например, в Колумбии. Если реакция будет побеждена, создастся ситуация, аналогичная венесуэльской, влияющая на латиноамериканские страны в гораздо большей степени, нежели ситуация в Никарагуа»²⁰.

Позиция Сикейроса являлась, несомненно, левацкой. Но, обвиняя мексиканца в «революционном каудильизме», его критики выступали с позиций не менее авантюристических. На встрече с делегатами РСМ в узком кругу «Луис» упрекал партию вовсе не в «каудильизме»: «Не следует ограничивать нашу тактику «герильей». **Если есть необходимость уйти в горы, это надо делать** (выделено авторами. — В.Х., Л.Х.); но сначала надо развернуть борьбу против реакции, придать вооруженной борьбе политическое содержание, тесно связав ее с защитой основных нужд рабоче-крестьянских масс»²¹. По сути такая позиция означала отказ от борьбы с диктатурами до тех пор, пока во главе массового движения не встанет сильная коммунистическая партия, способная добиваться реализации целей пролетарской революции, означала отказ от антиимпериалистической борьбы.

Под влиянием Коминтерна и изменений в политической жизни Мексики в ходе кризиса конца 1920-х годов (убийство победившего на президентских выборах Альваро Обрегона и последующее усиление режима «максимата» во главе с Плутарко Элиасом Кальесом, существенное снижение пространства для оппозиционной деятельности) резко переменялось отношение к венесуэльской революционной эмиграции со стороны РСМ. Конфликт венесуэльских эмигрантов с Коминтерном рано или поздно не мог не затронуть мексиканскую партию. С. ла Пласа и братья Мачадо поддерживали дружеские отношения с оказывавшим им всемерную помощь прежним генеральным секретарем Рафаэлем Каррильо, и традиционно сотрудничали с правительством П.Элиаса Кальеса, предоставлявшего PRV свободу деятельности и финансовую помощь. Поэтому они, естественным путем, оказались в оппозиции группе Эрнана Лаборде, возглавившего РСМ в 1929 г. Новое руководство РСМ подвергло PRV резкой критике за «гарibaldiстский уклон» и «потворство» правительственным репрессиям против мексиканских коммунистов в 1929 г.

PRV ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ РСМ!

От венесуэльцев, состоящих в РСМ, потребовали немедленно выйти из PRV, «осудив ее руководителей как предателей континентального революционного и антиимпериалистического движения». Пребывание в рядах партии венесуэльской эмиграции отныне расценивалось как несовместимое с членством в Коминтерне, поскольку PRV «предала рабоче-крестьянскую революцию, ещё не придя к власти»²². Подобные формулировки явно разрабатывались под влиянием ИККИ, и это должны были понять венесуэльские эмигранты, состоявшие в компартиях не только Мексики, но и ряда иных стран, если не хотели оказаться вне рядов международного коммунистического движения.

Вынужденный переход РСМ в подполье заставил партию добровольно отказаться от роли координатора коммунистической деятельности в соседних странах; с этого момента за решение «венесуэльского вопроса» активнейшим образом взялось руководство Коммунистической партии США, получившее поручение ИККИ сформировать в Нью-Йорке региональные органы Коминтерна для Карибского бассейна. Первоначально подход американской партии к опыту и перспективам PRV был более толерантным, чем у коллег из Мехико.

После длительных скитаний Г.Мачадо оказался в Нью-Йорке и представил подробный отчет о восстании руководству североамериканской секции Коминтерна. Оценивая перспективы создания компартии внутри Венесуэлы, он отметил невозможность в тогдашних условиях «ОТКРЫТО (выделено в тексте документа. — В.Х., Л.Х.) организовать Коммунистическую партию Венесуэлы»²³. По оценке лидера коммунистической фракции PRV, этому препятствовали два обстоятельства: за исключением региона Маракайбо, в стране было не так много промышленных рабочих, значительная часть их жила за рубежом²⁴. Кроме того, жесткое подавление оппозиции не позволяло ей всерьез организоваться.

Отвечая на вопрос секретаря ЦИК американской компартии Эрла Браудера о возможности создания нелегальной компартии, Мачадо лаконично ответил: «Да!». При этом он сослался на позицию представителя Коминтерна в Мексике М.Грольмана, считавшего возможным создание в Венесуэле компартии при одновременной помощи PRV «как партии для мелкой буржуазии, поддерживающей коммунистов». Мачадо вспоминал: «он [Грольман] сказал, что невозможно обмануть историю, мелкобуржуазная партия появится в любом случае, и лучше, чтобы она была под контролем нас, коммунистов»²⁵. Браудер, по сути, солидаризировался с этим тезисом²⁶.

Исполком компартии США принял развернутый план действий по организации компартии в Венесуэле, в значительной мере опиравшийся на опыт и кадры PRV. Специальному комитету в составе Браудера, секретаря колониального департамента ЦИК американской компартии Джона Белла («Альберто Моро»), и венесуэльцев Луиса Мартинеса (редактора издававшейся в Нью-Йорке газеты «Obrego»), Мариано Фортуля и Г.Мачадо было поручено разработать программу венесуэльской компартии на основе тезисов Коминтерна и напечатать ее массовым тиражом. PRV и ее коммунистической фракции предстояло провести в Панаме съезд для обсуждения вопросов партийной работы. Новая партия рассматривалась как Единый фронт.

Схема партийного строительства предусматривала создание ячеек PRV, доставку коммунистических пропагандистских материалов в Венесуэлу и вербовку новых членов. Деятельность коммунистической фракции должна была основываться на собственной программе, включавшей противостояние диктатуре Гомеса и всем формам каудильизма; право на свободу пропаганды, организации и т.п. для PCV и остальных революционных организаций; свобода слова и печати; полное политическое равенство индейцев и негров; 8-часовой рабочий день; безвозмездное распределение земли и сельскохозяйственного инвентаря, ряд иных социальных требований. В области внешней политики коммунисты провозглашали антиимпериализм, отказ от территориальных уступок²⁷, защиту СССР и противостояние империалистическим войнам.

В руководство партии, которое предлагалось расположить в Панаме, спецкомитет полагал целесообразным включить двух коммунистов, одного симпатизирующего и двух левых других направлений. В качестве кандидатов на пост генерального секретаря PCV рассматривались Рикардо Мартинес, в то время член Генерального Совета Профинтерна и его представитель в Латинской Америке и США, или выпускница Международной Ленинской школы (МЛШ) Кармен Фортуль. Для подготовки руководящих кадров будущей партии у Исполкома Коминтерна было запрошено два места в МЛШ²⁸. После одобрения Секретариатом и Политическим Комитетом компартии США проект «плана действий по организации PCV и укреплению линии PRV» предстояло обсудить и утвердить венесуэльским коммунистам, состоявшим в коммунистических партиях других стран.

Этот компромиссный подход не вписывался в общую линию Коминтерна, сформировавшуюся после VI всемирного конгресса, «открывшего» Латинскую Америку²⁹. В III Интернационале высоко оценивали быстрый рост коммунистического движения на континенте, являющийся «продуктом революционной массовой стихии и все более и более решительной массовой ориентации на русскую революцию и СССР». В то же время вступление латиноамериканских партий в III Интернационал объяснялось «эмоциональными мотивами», а их организационная структура и идеологический уровень признавались несопоставимыми «со структурой и уровнем коммунистических партий других частей света». В связи с этим Коминтерн ставил задачу повышения «идеологического уровня» и усиления организации путем терпеливого воспитания при сохранении массового характера партий, избегая исключений и расколов³⁰.

При этом один из принципов «21 условия» приема в III Интернационал («Одна страна, одна партия») сомнению не подвергался. Не допускалось никаких попыток спрятаться под маской «социалистической» или «революционной» партии. От сторонников мировой революции требовалось выступать с открытым забралом в качестве коммунистов, провозглашая приверженность большевистской идеологии, чего бы это ни стоило. В кон-

кретных условиях многих стран Латинской Америки цена подобной политики оказывалась для компартий достаточно высокой.

При обсуждении в Москве итогов буэнос-айресской конференции швейцарский коммунист Ж.Эмбер-Дро констатировал полное отсутствие базы для коммунистической деятельности внутри Венесуэлы: «Мы имеем все ту же группу в Мексике (PRV.— В.Х., Л.Х.), и единственным представителем Венесуэлы все еще является тов. [Рикардо] Мартинес, который представляет партию и несуществующие профсоюзы внутри страны»³¹. По оценке руководителя Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ, революционная пропаганда в Венесуэле велась «элементами либеральной буржуазии, студентами, имеющими идеологию одновременно фашистскую и национал-революционную, — они берут пример с Муссолини, создавшего величие Италии, и с Сандино, боровшегося против империализма, — они смешали Муссолини и Сандино в одно. Никакой связи ни с нами, ни с так наз. [ываемой] революционной партией, которая организует временное правительство в Мексике. Но эти элементы в то же время организовали переворот в Кюрасао. У них идеология весьма туманная, но они проявляют там активность и руководят массовым движением страны»³². Эмбер-Дро явно имел в виду движение, получившее название «Поколения 28-го года», но почему-то приписал ему организацию «Прыжка с Кюрасао».

Швейцарский эксперт Коминтерна по Латинской Америке, несмотря на критическое отношение к революционным силам Венесуэлы, исходил из наличия в стране революционной ситуации. Отвечая на вопрос руководителя орготдела ИККИ Бориса Афанасьевича Васильева, «когда произойдет там восстание», Эмбер-Дро ответил: «Гражданская война там тлеет все время. За последние годы там происходили большие забастовки и крупные массовые движения»³³. Важнейшим условием развития революционного движения он назвал пропаганду среди рабочих и налаживание нелегальной партийной работы при посредстве коммунистов-эмигрантов. Попытки вести революционную пропаганду в Венесуэле предпринимались из Колумбии, однако идеологическое состояние Социалистической революционной партии (Partido Socialista Revolucionario de Colombia, PSRC), по мнению Эмбер-Дро, было не в полной мере коммунистическим.

В январе 1930 г. штаб-квартира Коминтерна положила конец дискуссиям по «венесуэльскому вопросу», направив письмо венесуэльским коммунистам. В обращении напоминалось требование Секретариата ИККИ (9 марта 1929 г.) о необходимости отказаться от политики, позволявшей верить в возможность инициирования революционного движения в Венесуэле военной экспедицией эмигрантов, и направить усилия на революционную работу внутри страны. Латиноамериканский лендер-секретариат считал, что, приняв эти директивы на словах, венесуэльские эмигранты продолжили проводить свою линию, не сделав ничего серьезного для нелегального возвращения в Венесуэлу с целью организации внутри страны коммунистической партии, профсоюзов, революционного движения в целом. Ярким примером, подтверждающим правоту Коминтерновского руководства, в письме была названа акция в Кюрасао под руководством коммунистов.

«Не умаляя ни в коей мере личное мужество и субъективную революционную волю отдельных товарищей, принявших активное участие в перевороте... — говорилось в обращении, — следует отметить, что, увлекшись иллюзией внешнего завоевания Венесуэлы, они ничего не сделали в Кюрасао, хотя имели возможность мобилизовать трудящиеся массы города для захвата и осуществления власти и провозглашения независимости острова и так далее. Их действия носили характер типичного переворота заговорщиков без какого-либо будущего для трудящихся масс Кюрасао, равно как

Джюль Эмбер-Дро. Рисунок Н.Бухарина

и для прочих масс рабочих и крестьян Венесуэлы. Эта экспедиция к венесуэльским берегам со всей очевидностью показала, что без подпольной революционной работы в стране, без организации Коммунистической партии внутри военная экспедиция извне обречена на самый плачевный итог»³⁴.

Коминтерн обвинил PRV и ее орган газету «Libertad» в пропаганде «ложной политики военной экспедиции», основанной на недооценке рабочего класса и крестьянства в венесуэльской революции. Оценка была жесткой: «PRV, хотя и утверждает, что является рабочей партией, не имеет никакой программы рабочих требований и аграрной революции». Считая, что ситуация в Венесуэле (падение цен на кофе, мизерная заработная плата, диктатура в политической сфере и масштабное подавление рабочего и студенческого движения) способствует восстанию, руководители III Интернационала констатировали отсутствие коммунистического сектора в массовом движении и неспособность коммунистов сориентировать своих потенциальных сторонников на «конкретные цели и ясные перспективы их революционной деятельности»³⁵.

Для исправления ситуации, по мнению ИККИ, предстояло отказаться от «идейного разброда и иллюзий действий PRV», создать подпольную компартию в самой Венесуэле, «внутри массы рабочих-нефтяников и сельскохозяйственных рабочих», выработать революционную программу на базе требований аграрной революции, антиимпериалистической борьбы, и рабоче-крестьянского правительства. Латиноамериканский секретариат отказывался от лозунга «Долой Гомеса» в качестве ключевого пункта, указывая на необходимость расширения программы за счет социально-экономических требований.

Авторы письма указывали на пример Мексики и Китая, показавший пагубность заблуждений о перспективах революции, которая не нарушает режим крупного землевладения и гнета империализма, а просто устанавливает «демократию» и проводит отдельные реформы, которые «быстро сойдут на нет». Коминтерн потребовал от венесуэльских коммунистов отмежеваться от «коллорационистской» PRV. Несогласным же с этой позицией предлагалось покинуть ряды коммунистического движения и «следовать за своими химерами». Всемирная компартия прямо подталкивала своих венесуэльских сторонников к расколу «на основе широкого и глубокого обсуждения проблем и перспектив революции в Венесуэле» и создания PCV. В случае неспособности коммунистов организовать объединение рабочих, крестьян и части мелких буржуа для осуществления антиимпериалистической и аграрной революции, полагало руководство Латиноамериканского лендер-секретариата, революция в Венесуэле «с треском провалится или приведет к смене правящей клики, введя в заблуждение массы

В. Ленин, Н. Бухарин (в центре), Г. Зиновьев на одном из заседаний конгресса Коминтерна в Москве

демагогическими фразами и жестами, ведущими, как мексиканская революция, к капитуляции перед империализмом и крупными землевладельцами»³⁶.

Основные позиции письма были подтверждены в подготовленном в мае 1930 г. документе «Некоторые проблемы в связи с революционным движением в Латинской Америке». В нем PRV была охарактеризована как «национально-революционная партия, партия буржуазно-мелкобуржуазно-либерально-революционная», существующая только вне Венесуэлы и ориентирующаяся «на свержение правительства извне». Перед коммунистами же была вновь поставлена задача создания своей обособленной организации, опирающейся на группы внутри страны³⁷.

Такие указания Коминтерна переворачивали страницу истории венесуэльского освободительного движения, требуя от революционной эмиграции радикального изменения стратегии и тактики борьбы. Практическая же работа III Интернационала на этом направлении началась еще раньше. Не надеясь на самостоятельную трансформацию латиноамериканских компартий и учитывая ограниченность возможностей влиять на этот процесс извне, из Москвы или Буэнос-Айреса (где находилась штаб-квартира Южноамериканского секретариата ИККИ), руководство Коминтерна прибегло к радикальным мерам, направив в Южную Америку делегацию ИККИ. Принимая такое решение, Президиум ИККИ действовал на основании императивной установки VI конгресса, вменявшей ему в обязанность помочь новым национальным секциям превратиться в «настоящие» коммунистические партии. Почти полтора года понадобилось коминтерновским функционерам для осознания необходимости выполнять собственное решение. Предлогом для радикального вмешательства Президиум ИККИ выбрал ряд «тяжелых ошибок», совершенных вождами колумбийской секции и необходимость оказания помощи PSRC «в деле ее идеологического и органического превращения в настоящую коммунистическую партию в соответствии с директивами всемирного конгресса»³⁸. Идеиной основой новых подходов Коминтерна к проблемам формирования новых секций послужили решения X Пленума ИККИ, по-

ставившего задачу освобождения коммунистического движения от оппортунистических уклонов. Колумбийские революционные социалисты стали второй в Латинской Америке (после РСМ) секцией Коминтерна, где было решено провести показательную чистку. Немалое значение имел субъективный фактор: одним из идеологов этого плана был Эмбер-Дро, получивший уникальный опыт общения с лидерами латиноамериканских секций Коминтерна и проявлявший в предшествующий период способность (насколько это было возможно в условиях III Интернационала конца 20-х годов) к компромиссу.

В плане реорганизации PSR в компартию важное место уделялось работе в Венесуэле. Коминтерновской «команде быстрого реагирования» предлагалось из Колумбии наладить контакты с рабочими центрами Венесуэлы, направив туда одного-двух товарищей для установления связи и создания первых подпольных коммунистических групп в рабочей среде страны, для закладывания основ профсоюзной организации и начала нелегальной агитационно-пропагандистской работы с колумбийской территории внутрь Венесуэлы. Вторая задача заключалась в развертывании среди венесуэльских эмигрантов идеологической работы для разъяснения им характера революции в Венесуэле, роли в ней различных социальных классов и необходимости проведения коммунистической и организационной работы внутри страны в соответствии с директивами Латиноамериканского Секретариата. «Однако, — подчеркивалось в директивах, — эта задача не должна стоять на первом плане»; основное внимание должно было уделяться задаче непосредственного проникновения в Венесуэлу³⁹.

Из Москвы для участия в реорганизации PSRC и создания PCV выехала делегация Исполкома Коминтерна. В ее состав входили Кармен Фортуль («Инес Мартель»), ее муж — колумбиец Гильермо Эрнандес Родригес («Гильен»), а также их однокашник по МЛШ американский коммунист Джон Зак-Конфедер («Джон Касс») ⁴⁰, а в группу, направленную для организации PCV внутри страны, были включены братья Фортуль: член компартии Франции Аурелио («Андрес Коллинс») и Мариано («Дельфин Бризеньо»), входивший в американскую компартию.

Случайно или преднамеренно организация партии была поручена «семейной» группе Фортуль ⁴¹? Почему в передовом отряде Коминтерна не оказалось представителей мексиканской эмиграции? Есть несколько возможных объяснений. Во-первых, чиновники ИККИ явно опасались доверить столь ответственную миссию впавшим в опалу лидерам PRV, в то время как братья Фортуль состояли в партиях, пользовавшихся доверием высшего коминтерновского руководства, а на выпускниках МЛШ вообще стоял «знак качества» коммунистической кузницы кадров. Во-вторых, активисты PRV были слишком хорошо известны по своей международной деятельности, и репрессивные органы диктатуры легко могли вычислить их по прибытии на родину (о руководителе «прыжка с Кюрасао» Г.Маchado, понятно, вообще не могла идти речь). В-третьих, они технически не могли попасть в это время в Венесуэлу.

Важной частью деятельности делегации должна была стать реализация программы, разработанной Латиноамериканским лендер-секретариатом еще в марте 1929 г. Венесуэльским эмигрантским коммунистическим группам предлагалось переориентировать всю работу на создание и оформление организации со своими программой и требованиями, противопоставляемыми «программе, политике и тактике мелкобуржуазных групп и партий» (PRV). Проанализировав опыт работы эмигрантов и признав наличие революционной ситуации в стране, московский центр латиноамериканского коммунистического движения пришел к выводу о невыполнении эмигрантской группой в Мексике директив письма лендер-секретариата и предложений

ЦК РСМ, «несмотря на присоединение их к этим решениям на словах».

ИККИ разработал план формирования компартии Венесуэлы извне, решив направить с этой целью в Колумбию одного-двух венесуэльских или иностранных коммунистов⁴². Краеугольным камнем плана являлась установка на формирование социальной базы РСВ из венесуэльских рабочих, занятых в нефтяной промышленности и сельском хозяйстве Колумбии, а не опора на мелкобуржуазные слои — основу PRV. Задача оставалась ясной: выработка идеологии РСВ в борьбе с программой, идеологией, политикой и тактикой PRV; разоблачение ее мелкобуржуазной сущности; решительный отказ от использования активистов PRV (С. де ла Пласа и др.); воспитание новых кадров из рабочих путем пропагандистской и кружковой работы с ними, «направление и контроль их деятельности в революционных организациях Колумбии (компартия, профсоюзы, кооперативы и т.д.); обучение приемам и тактике нелегальной работы... и пр.»⁴³.

Наряду с этим организаторы должны были установить связи с Венесуэлой, обеспечить переходы через границу, перебросить обученные кадры в страну по окончании курса подготовки и сразу после этого начать формирование новой группы. Перед направленными в Венесуэлу коммунистами ставилась задача, найдя работу в промышленности, создать возможности для организации пропагандистской работы среди рабочих, т.е. «подвести фундамент из устойчивых пролетариев» под строительство партии⁴⁴. Колумбийская компартия, в свою очередь, должна была принять меры по созданию венесуэльской секции Коминтерна и направлять деятельность коммунистов соседней страны в партийной работе и внутри массовых организаций. Венесуэльская секция РСС должна была выступать в роли кадрового резервуара для обучения и последующей переправки партийцев в Венесуэлу. Противоречие грюндерских планов Коминтерна заключалось в том, что кураторство над созданием венесуэльской компартии поручалось PRSC/PCC, которой самой предстояло пройти радикальную реорганизацию.

Если вначале допускалось параллельное существование РСВ и PRV (при всем критическом отношении Коминтерна к последней), то с весны 1930 г. в документах и переписке III Интернационала все чаще звучал термин «ликвидация». Еще в феврале парижская секция PRV, в работу которой включился Г.Мачадо, обсуждала планы реорганизации и расширения своей деятельности, проводимой нелегально ввиду противодействия французских властей, поддерживавших официальные отношения с правительством Х.В.Гомеса⁴⁵. Находившиеся во Франции венесуэльские левые были уверены в наличии в их стране революционной ситуации, выход из которой

Аурелио Фортуль

Мариано Фортуль

кумента. — *В.Х., Л.Х.*) и её развитию». Программу PRV предстояло модифицировать на основе «революционной борьбы рабочего класса и труженников полей в полуколониальной стране, где сложились условия для антиимпериалистической борьбы, аграрной революции и РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО правительства». В этой связи было решено прекратить издание печатных органов в Париже и Нью-Йорке, переориентировав ресурсы на «революционную марксистскую пропаганду» и на организацию тайного проникновения в страну⁴⁶. Своим делегатом на партийный форум секция PRV назначила генерального секретаря партии Г.Мачадо, который, судя по содержанию обращения к членам ЦИК и местных ячеек PRV, был полон оптимизма относительно перспектив возглавляемой им организации.

ЛИКВИДАЦИЯ ПРОШЛОГО: КОМИНТЕРН И «ПРОЛЕТАРСКАЯ» ЭМИГРАЦИЯ ПРОТИВ «КАУДИЛЬО» PRV

Вскоре, однако, настроение Г.Мачадо резко изменилось после волны критики в адрес PRV и ее лидеров, прокатившейся в 1929—1930 гг. Первый удар по PRV нанес «профессиональный венесуэлец» Рикардо Мартинес, потребовавший пересмотра всех принципов и методов работы партии. Подвергнув критическому анализу исторический путь PRV, он обвинил ее руководителей в том, что те только прикрываются «революционной деятельностью», а на деле «смешались» со всеми антигомесистскими силами, «ее борьба вновь оказалась **только борьбой против тирании**» (выделено авторами. — *В.Х., Л.Х.*). Фактически Мартинес бросил лидерам PRV обвинение, серьезнейшее по коминтерновским меркам конца 1920-х годов, — отрицал наличие в идеологии и действиях партии «классовой линии»⁴⁷.

По его мнению, мексиканское ядро PRV преувеличивало значение эмиграции как «практически решающего фактора будущих [революционных] собы-

предстояло найти посредством «освобождения страны и рабочего класса, создания рабочего и крестьянского правительства». При этом они признали невозможность осуществления революции на основе военных экспедиций из-за границы «без наличия внутри самой страны тайной организации, способной мобилизовать и направлять рабочий класс».

В полном соответствии с резолюцией, принятой американской компартией, парижская секция PRV назначила на 19 апреля созыв Национальной ассамблеи PRV в Панаме с целью критически проанализировать деятельность партии, дать оценку политической и экономической ситуации в Венесуэле, исследовать революционные перспективы страны, «сконцентрировать все усилия PRV в различных странах на образовании внутри страны КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕНЕСУЭЛЫ (здесь и далее выделено в тексте до-

тий», недооценивая роль населения внутри Венесуэлы: «Фундаментальной ошибкой этих товарищей всегда являлось восприятие революции на основе вторжений, на основе [принципа] «снаружи внутрь», и полное невнимание к работе по проникновению в страну»⁴⁸. Указав на то, что многие венесуэльские мигранты настроены на «немедленное свержение тирании», он противопоставил им сторонников партии в США, которые, по его словам, отвергали вооруженный путь борьбы, «осудив всех каудильо, как часть ГОМЕСИЗМА» (выделено в тексте документа. — В.Х. Л.Х.)⁴⁹. Мартинес категорично обвинил Мачадо и де ла Пласу в готовности ради свержения диктатуры на определенном этапе борьбы сотрудничать с каудильо, ранее служивших режиму, вместо того, чтобы работать внутри страны «по организации, агитации и завоеванию рабочих масс», и в экстраполировании собственного опыта на всю эмиграцию.

Опыт мексиканской и американской эмигрантских групп откровенно противопоставлялись. Мачадо и его соратники, по мнению Мартинеса, оставаясь «путчистами» по менталитету, увидели в образовании компартии на Кубе (в деятельности которой они участвовали) возможность формирования революционного движения в Венесуэле, только по названию коммунистического, не понимая, что «перемена названия без перемены методов и содержания нашей организации остается той же бочкой с иной затычкой»⁵⁰.

Каясь в недостатках собственной работы в Венесуэльском рабочем союзе (Unión Obrera Venezolana, UOV), Мартинес, однако, не стал на них останавливаться («... я не хочу оправдываться за ошибки, совершенные мной внутри ВРС, на совершенных ошибках учатся»), сосредоточившись на критике Мачадо и де ла Пласы как лидеров идеологического направления, рассматривавшего PRV как «организацию прикрытия». По его же мнению, создание партии должно было «обозначить прояснение в рядах оппозиции; полный разрыв с генералами, более четкую концепцию чаяний мелкой буржуазии, радикализацию интеллектуалов и трудящихся». Мартинес требовал немедленной трансформации левого крыла PRV в основу для секции III Интернационала и превращения Венесуэлы под его руководством «в важный центр антиимпериалистической борьбы»: «Мы должны любой ценой проникнуть в страну и начать организацию подпольных групп с целью проведения агитации по организации забастовок, агитации в армии, организации рабочих групп с четкими экономическими требованиями; это покажет венесуэльским массам, что существует готовая революционная сила для руководства ее борьбой против режима Гомеса и каудильо, поддерживаемых империализмом»⁵¹.

Джозеф Корнфельдер (Зак)

Хосе Антонио Майобре

ИСПРАВЯТ СВОИХ ОШИБОК (выделено в тексте документа. — *В.Х., Л.Х.*) — любая сила, объединяющаяся вокруг них, сможет существовать только вне будущей венесуэльской Коммунистической партии»⁵².

Мартинес подверг резкой критике старое руководство мексиканской компартии, признавшее под влиянием де ла Пласы и Мачадо правильность политической линии PRV «в ориентации трудящихся на классовую борьбу, против империализма, на защиту коммунистов, что дало ей большой авторитет среди трудящихся». Опыт «Прыжка с Кюрасао» расценивался в обращении Мартинеса как осужденный силами PRV «столь желанный ими ПУТЧ», потерпевший поражение. Но «даже если бы ВРП выполняла свое подлинное назначение, против Гомеса и против каудильо», — методично продолжал он бить по PRV — «нашей задачей было бы также бороться против ограниченности ВРП, которой та не смогла вовремя избежать, чтобы превратиться в настоящий политический фактор внутри Венесуэлы... ВРП В СИЛУ ЕЕ СОСТАВА НИКОГДА НЕ СМОЖЕТ ДОБИТЬСЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН, РАБОЧИХ, СОЛДАТ, это — работа РАБОЧИХ, ОРГАНИЗОВАННЫХ В СВОЮ КЛАССОВУЮ ПАРТИЮ, В СОЮЗЕ С КРЕСТЬЯНАМИ (выделено в тексте документа. — *В.Х., Л.Х.*)»⁵³.

Разногласия Мартинеса с коммунистическим ядром PRV ярко проявились еще в период подготовки и проведения VI конгресса Коминтерна. Он упорно убеждал руководство всемирной компартии в ошибочности идеологии и политики группы Мачадо — С. де ла Пласы, агитировал членов парижской и нью-йоркской секций PRV за необходимость «разрушения» партии, понимая под этим «разрушение политического содержания» PRV с одновременным использованием «традиций борьбы» партии и приданием им «классового содержания»⁵⁴. При этом Мартинес отвергал упреки в том, что именно он стоял за изменением позиции ИККИ по венесуэльскому вопросу, утверждая, что Москва сама пришла к жестким выводам в результате поездок Г.Мачадо и С. де ла Пласы

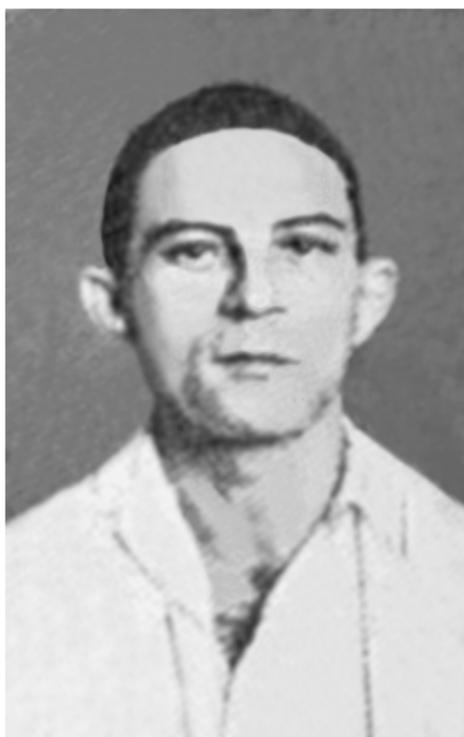
«Профессиональный венесуэлец» последовательно перечислял «прегрешения» коммунистической группы PRV: «полное игнорирование венесуэльских масс», признание «свержения тирании и реализации демократии настоящей борьбой, которая приведет к развитию революционных сил». На этом, однако, он не останавливался, обвиняя де ла Пласу в намеренном саботаже коминтерновской линии и нежелании пробуждения трудящихся страны, в полном неверии в классовую борьбу, которая отодвигается на второй план ради реализации путчистских идей. Подчеркивая отсутствие «настоящего идеологического тождества» между ним и группой Мачадо — С. де ла Пласы, он категорически заявлял: «...идеологии Сальвадора нет места внутри КП [компартии]... Если мы проанализируем деятельность Сальвадора и Густаво, в особенности после письма Ком.[интерна], мы ясно сможем понять почему — ЕСЛИ ОНИ НЕ

в СССР в 1926 и 1928 гг. и «собственного опыта» Коминтерна. Это было печально для лидеров PRV, но во многом правдой. После VI конгресса Коминтерна и, в особенности, после X пленума ИККИ (1929 г.), одобдивших новую тактику «класс против класса», возможности какого бы то ни было сотрудничества с некоммунистическими оппозиционными силами были сведены к нулю. И Мартинес действовал в соответствии с реалиями, следуя новой «генеральной линии». Но правда была и в том, что как функционер Профинтерна, достаточно близкий к руководству, постоянно участвовавший в заседаниях Латиноамериканского лендер-секретариата ИККИ, он, ничего не решая, не мог не влиять на принятие решений. Его мнение как единственного венесуэльца, работавшего в московском офисе Коминтерна и доказавшего свою преданность мировой революции, безусловно, учитывалось при формировании стратегии и тактики латиноамериканской революции, и, в первую очередь, при решении «венесуэльского вопроса»⁵⁵.

Возникает простой вопрос: если Рикардо Мартинес с самого начала столь ясно видел недостатки PRV и необходимость создания компартии под собственными знаменами, что мешало ему и его единомышленникам провозгласить ее основание до того времени, как Коминтерн выразил свою позицию по «венесуэльскому вопросу»? Опportunистичность взглядов «профессионального венесуэльца» не вызывает ни малейшего сомнения⁵⁶.

Сам меморандум был неприятным сюрпризом, однако его положения отражали старую борьбу за лидерство в партии, которую вел Мартинес. Вторая атака оказалась более неожиданной и чувствительной в эмоциональном плане, поскольку в ней участвовал Хорхе Виво, старый соратник лидеров PRV по работе в кубинской компартии и Антиимпериалистической лиге, целиком и полностью стоявший на позициях Х.А.Мельи (в том числе и по организации вооруженной экспедиции против кубинского диктатора Херардо Мачадо). И Густаво Мачадо не мог понять причин его действий: «Мы не ищем в Революции никакой личной выгоды. Брошюра, которую публикуют в Н[ью-]Й[орке] Виво и Хорхе Пас⁵⁷ против тебя (С. де ла Пласы. — В.Х., Л.Х.) и ВРП, кто дал санкцию на ее издание? Есть решение КПА или резолюция КПМ? Кто ее публикует? Кто ее оплачивает? Откуда взялся такой интерес к проблемам Венесуэлы у этих двух товарищей? Или же речь попросту идет о том, чтобы мы не занимались самокритикой, а реакция получила бы новое оружие для атаки на нас?»⁵⁸.

Мачадо был согласен с «ОБЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ (выделено в тексте документа. — В.Х., Л.Х.) линией, обозначенной в письме Секретариата КИ от 8 января». Однако он видел противоречия в подходах к ликвидации PRV. Проект парижской группы (его план) предусматривал ликвидацию «на основе широкой и глубокой дискуссии о проблемах и перспективах, критики программы и деятельности ВРП» самими же товарищами коммунистами, входившими в руководство PRV. Эта идеологическая подготовка должна была реализовываться параллельно с «непосредственной работой, которую надо начать внутри страны в соответствии с имеющимися у нас директивами». Проект же Нью-Йорка (то есть план Мартинеса, в общих чертах разделявшийся и делегатами Коминтерна), по мнению Мачадо, сводился к «немедленной механической ликвидации» посредством выхода коммунистов из PRV⁵⁹. Мачадо считал, что ситуация по сравнению со временем его отчета в Нью-Йорке после Кюрасао не изменилась, и приходил к выводу о непонимании американскими коммунистами сделанного доклада и содержащихся в нем выводов. Он отверг заявления о фактическом развале PRV, утверждал, что акция на Кюрасао придала ей «огромный авторитет», особенно на фоне неудачи «каудильистской экспедиции» в Кумане, «окончательно до-

Херман Тортоса

Зарубежные же организации он относил к числу «орудий каудильо». Мачадо отчаянно отстаивал созданную им PRV: «когда появилась ВРП, вся эмиграция сконцентрировалась на отрицании, то есть на ее антикаудильистской, антиимпериалистической, антиклерикальной кампании, рассматривая ее как маску коммунистов, этим объясняется размытость и путаница в ее позитивной программе: Базовые принципы ВРП были лишь прикрытием будущей коммунистической программы»⁶¹. Заслугой партии Мачадо считал работу с рабочими, измерявшуюся не количеством членов организации, а уважением, «которым та пользуется среди большинства трудящихся в эмиграции и среди немногочисленной группы рабочих внутри Венесуэлы»⁶².

Лидер PRV, искренне считавший себя преданным солдатом Коминтерна, явно пребывал в растерянности. В своей деятельности он опирался на согласованные ранее с ним решения, однако ситуация неожиданно изменилась, а новые резолюции американской и мексиканской компартий до Мачадо не доходили. В то же время он получал противоречивые письма от разных людей и читал противоречивую информацию о ситуации, сложившейся вокруг его партии. И в ставшем подлинным криком души письме к С. де ла Пласе впервые появилось слово «ликвидация»: «Борьба, развязанная против В.Р.П. определенными элементами, не более чем предлог, на деле речь идет об атаке на каудильо В.Р.П., на тебя и меня. Лучше всего, чтобы В.Р.П. исчезла бы как можно скорее, а нам были бы даны конкретные поручения в регионах поблизости от страны. Чтобы мы исчезли из «обращения», чтобы наши имена больше не звучали. Нас, венесуэльцев, состоящих на регулярной основе в различных партиях, 9 тов[аришей]. На нас нападают, так как кажется, что нам недостаточно БЫТЬ ЛИДЕРАМИ,

бывшей» UOV, и «Венесуэльского Гражданского союза» (Unión Cívica Venezolana, UCV) — «выразителя либеральной мелкобуржуазной ментальности некоторых интеллектуалов и студентов». Пытаясь перейти в наступление, Мачадо обвинил нью-йоркскую организацию PRV в неумении и нежелании воспользоваться благоприятной ситуацией⁶⁰. Примером резко выросшего после Кюрасао интереса к партии он считал стремление вступить в нее 37 руководителей студенческого движения 1928 г., бежавших на Тринидад.

Мачадо настаивал на необходимости задействовать имеющиеся партийные структуры PRV вместо выхода из нее, основываясь на том, что других организаций в Венесуэле, по сути, не было: «студенческие организации неоднократно распускались; несколько мутуалистских организаций ремесленников и рабочих подчинены «патронату» того или иного святого, а руководят ими агенты полиции. В их рядах никогда не занимались проблемами, связанными с рабочими требованиями».

что мы ЖЕЛАЕМ БЫТЬ КАУДИЛЬО!!! (здесь и далее выделено в тексте документа. — *В.Х., Л.Х.*). Это уже вышло за границы смешного, и я не желаю, чтобы Рикардо М. [артинес] по-прежнему рисковал жизнью ради моего БУДУЩЕГО ПОСТА ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ. Это не является ни революционным, ни серьезным. Лидеры???? Каудильо????»⁶³.

Мачадо пришел к выводу о намерении Коминтерна избавиться от руководителей PRV, начав историю PCV с чистого листа. Ссылаясь на цитату из письма Фердинанда Лассалья Карлу Марксу 24 июня 1852 г. («Внутренняя борьба придает партии силу и жизнеспособность; главной слабостью является аморфность и отсутствие четко определенных границ, партия усиливается через очищение»), вождь венесуэльских коммунистических повстанцев размышлял о соответствии этого документа их случаю: «Речь идет об ОЧИЩЕНИИ партии через ИСКЛЮЧЕНИЕ НАС? (выделено в тексте документа. — *В.Х., Л.Х.*) Если бы дело заключалось в этом, проблем не было бы, а нападки являлись бы прямыми и основанными на делах и теоретических обоснованиях. Однако нет. Осуществляются интрижки, махинации, распространяются лживые слухи, врагу сообщаются тайны. Все, абсолютно все это, есть выражение личных противоречий»⁶⁴.

Ситуация неопределенности заставила Мачадо отказаться от работы над брошюрой о «Прыжке с Кюрасао». Задача, которую он ставил перед собой, выглядела простой и ясной для верного сторонника Коминтерна: необходимо, чтобы партия имела «правильную линию и содержала, по крайней мере, общую тактику всех товарищей к. [оммунистов], как можно более близкий к марксизму анализ... Часть, содержащая самокритику прошлого опыта, не представляет больших трудностей, что касается будущего, будет ли возможно собрать группу, которая выработает единую позицию для всех? Если в Мекс.[ике] говорят и делают одно, в Н.Й. [Нью-Йорке] — другое, а в Париже, Панаме или внутри страны — третье, как мы сможем проводить координированную, сознательную, серьезную работу?»⁶⁵.

Несмотря на эти сложности, руководители PRV не отказались от участия в борьбе в новых для себя условиях, когда политическая линия определялась не ими, а из вождей они превратились в рядовых солдат революции. Вся их тогдашняя переписка содержит информацию о конкретных делах по выполнению плана создания компартии в Венесуэле. Мачадо и его соратники занялись рассылкой пропагандистских материалов из Парижа на Тринидад — местным эмигрантским организациям, а также сбором средств для издания газеты «La Chispa». Но самой главной частью их деятельности оставалось формирование кадров для будущей партии. Прежде всего опора делалась на студентов, принадлежавших к «поколению 28-го года». Парижская секция установила контакты с группой новых политических эмигрантов, в которую входили и «наши», и «левые», не решающиеся заявить о своих взглядах. Но эти люди дали имена и адреса студентов в Каракасе, «называвших себя «тов.[арищами]» и авангардом». На них рассчитывали как на посредников для ввоза в страну пропагандистских материалов⁶⁶. «Исторические лидеры» PRV стремились приблизиться к Венесуэле как можно быстрее. При этом они не получили ни малейшей материальной поддержки от Коминтерна, на которую вполне могли бы рассчитывать при реализации задачи по учреждению его новой секции. Г.Мачадо сетовал на невозможность опереться на помощь своей семьи, «так как у них нет средств», и намеревался ради приобретения билетов в Панаму продать пишущую машинку, являвшуюся единственной имевшейся у него ценностью⁶⁷. Деятельность делегации ИККИ также оказалась сопряжена с многочисленными трудностями. Посланцы Москвы не обладали достаточ-

Давид Альфаро Сикейрос

дилась степень влияния PRV на массы. К.Фортуль считала поддержку партии внутри страны, даже среди интеллектуалов, «почти нулевой», но признавала ее влияние в эмиграции, особенно выделяя сторонников партии среди рабочих на Кюрасао. Отмечая, что если бы пропаганда PRV была чисто коммунистической, это влияние «было бы равно нулю», она приходила к парадоксальному выводу: «поскольку, как говорит товарищ Мачадо... «базовые принципы PRV были только переодетой программой коммунистов будущего», <...> почему же не попытаться ликвидировать PRV как можно скорее, поскольку достаточно лишь сбросить маску и представить истинное положение дел?». Стремление продлить жизнь партии расценивалось как ошибка, «препятствие для нашей работы и потеря времени для начала нашей коммунистической пропаганды»⁶⁹. Задача понималась достаточно механистически: «ликвидация любой партии, которая не является нашей классовой партией, всеми возможными для нас средствами». PRV квалифицировалась как мелкобуржуазная партия, которую следовало уничтожить, «забрав у нее все самые выдающиеся элементы на основе критики, лишив ее влияния, которым она может пользоваться среди рабочего и крестьянского класса», а издание «Эль Обреро» могло быть оправдано «только в рамках борьбы по развенчанию и ЛИКВИДАЦИИ всех наших врагов»⁷⁰.

Еще не создав ничего внутри страны, Коминтерн и его посланцы стремились к «немедленной ликвидации» PRV, сворачивая пропагандистскую и организационную работу в эмиграции, предпочтя журавля в небе синице

ным бюджетом для оперативного решения поставленных перед ними задач. К.Фортуль, например, информировала руководство, что для снижения расходов была вынуждена остановиться в г. Колоне (Панама) у сестры. Делегаты добирались до Колумбии, назначенной первым пунктом сбора миссии, поодиночке, окольными путями, обсуждая вопросы, требовавшие безотлагательных решений, с помощью почтово-телеграфной связи. Это явно не способствовало взаимопониманию внутри делегации, тем более, что ее действия постоянно контролировались и направлялись, и тоже дистанционно, из Нью-Йорка и Москвы. Так, категоричной телеграммой Альберто Моро приостановил печать «Манифеста к рабочим Венесуэлы», «одобренный всеми товарищами» и уже находившийся в типографии, при этом объяснений совершенных «ошибок» (посланных секретарем Колониального департамента американской компартии авиапочтой) пришлось ждать достаточно долго⁶⁸.

Вопрос о немедленной или постепенной ликвидации PRV оказался предметом дискуссии и внутри делегации, и с вышестоящими инстанциями. В центре обсуждения нахо-

в руках. Путь к основанию компартии Венесуэлы оказался долгим и тернистым. Только в начале 1931 г., почти через два года после принятия Коминтерном «судьбоносных» решений, в страну сумели въехать братья Аурелио и Мариано Фортуль, к которым чуть позже присоединился Джозеф Зак-Корнфедер. Их усилиями был сформирован Временный ЦК партии, опубликовавший Манифест по случаю празднования 1 мая. Но уже 29 мая в архитектурной мастерской А.Фортуля посланцы Коминтерна и члены «первой ячейки» PCV были арестованы.

Практически все пришлось начинать сначала. Под эгидой Карибского бюро Коминтерна были созданы Вспомогательные комитеты в Баранкилье, Боготе (Колумбия) и Порт-оф-Спейне (Тринидад), ставшие важными центрами пропаганды и связи с новыми коммунистическими группами в Венесуэле. Активную роль в их работе играли Г.Мачадо, С. де ла Пласа, Мигель Отеро Сильва. Именно делегаты Вспомогательных комитетов (Хосе Антонио Майобре и Херман Тортоса) стали венесуэльскими делегатами на VII Всемирном конгрессе, принявшем PCV в III Интернационал.

Лидеры PRV, превратившись в скромных функционеров PCV, проявили себя как важные участники бурного процесса партийного строительства в Венесуэле, начавшегося в 1936 г.⁷¹, что стало подтверждением недооценки Коминтерном их политического потенциала. Но в III Интернационале после исторического VII конгресса, взявшего курс на Народный фронт, веяли иные ветры. И деятельность коммунистов — бывших лидеров PRV на новом политическом поле только приветствовалась.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Report of Comrade Machado, Nov., 1929. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 107, д. 11, л. 1.

² На Кюрасао работали негры — уроженцы Кюрасао и Ямайки, Венесуэлы и Доминиканской Республики, а также белые рабочие (из Кюрасао, Германии и т.д.), представлявшие рабочую «аристократию». Одной из задач члены PRV считали ликвидацию противоречий между этими группами, приводивших к серьезным конфликтам, и привлечение их к общей борьбе.

³ Report of Comrade Machado, л. 1.

⁴ В штаб восстания входили: командующий Р.С.Урбина, начальник штаба Г.Мачадо, генеральный секретарь командования Карлос С.Флорес (президент Рабочего союза Венесуэлы (Unión Obrera Venezolana, UOV), командиры колонн — Г.Принсе Лара, М.Отеро Сильва, М.Ортис, командир авангарда Р. Торрес и др. — C.R o d r í g u e z O b e r t o. 1958. Gustavo Machado y la hazaña «garibaldina» de Caracas. — Gustavo Machado de oligarca a comunista. Caracas, 1975, p. 124—125.

⁵ Report of Comrade Machado, л. 2, 4.

⁶ В источниках называется различная численность группы (27, 39, 41 человек).

⁷ Report of Comrade Machado, л. 3; P.A r u l e y o M e n d o z a. Machado, de aristocrata a líder rojo. — Gustavo Machado de oligarca a comunista, p. 169

⁸ Report of Comrade Machado, л. 3.

⁹ Подробнее см.: В.Л.Х е й ф е ц, Л.С.Х е й ф е ц. Предтечи. Размышления о предистории Коммунистической партии Венесуэлы. — Латинская Америка, 2012, № 3.

¹⁰ Report of Comrade Machado, л. 3.

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid., л. 4.

¹³ Ibidem.

¹⁴ El Movimiento Revolucionario Latino Americano. Buenos Aires, 1929, p. 191.

¹⁵ Ibid, p. 98.

¹⁶ Стенограмма доклада Ж.Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и о I конференции коммунистических партий Латинской Америки. 12 июля 1929 г. — Коминтерн и Латинская Америка. Сб. документов. М., 1998, с. 109.

¹⁷ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 306. В авторский коллектив входил В.Кодовилья, который воспроизвел свою публичную позицию, не упомянув кулуарные дискуссии.

¹⁸ Беседа с делегацией Мексики. 28 мая 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 73, л. 22. Война кристерос — военный конфликт в Мексике между правительственной армией и повстанцами кристерос (самоназвание инсургентов от испанского слова Cristo — Христос), выступавшими против положений конституции 1917 г., ограничивавших роль католической церкви.

¹⁹ Аугусто Сесар Сандино — руководитель национального антиимпериалистического движения в Никарагуа во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов.

²⁰ Беседа с делегацией Мексики, л. 23.

²¹ El Movimiento Revolucionario latino Americano, p. 191.

²² Resolución del Comité Central del Partido Comunista de México sobre el PRV y los comunistas venezolanos miembros del PRV, México, febrero de 1930. — Цит. по: G. G a r c í a P o n c e. Memorias de un general de la utopia. Venezuela, 1976, p. 184—185.

²³ Report of Comrade Machado, л. 6.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Очевидно, речь шла о конфликте с Великобританией из-за пограничных районов Британской Гвианы, и, возможно, о проектах отторжения от Венесуэлы нефтеносных районов и создании сепаратистского государства по примеру Панамы.

²⁸ О В.Р.П. Анализ ситуации в Венесуэле, сделанный Г.Мачадо. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 10, л. 44.

²⁹ Этот термин впервые применил генеральный секретарь Профинтерна С.А.Лозовский на Латиноамериканской профсоюзной конференции в Москве (1927 г.).

³⁰ Ж.Э м б е р-Д р о. Несколько проблем революционного движения Латинской Америки (окончание). — Коммунистический Интернационал, 1928, № 29—30, с. 109.

³¹ Стенограмма доклада Ж.Эмбер-Дро в Южноамериканском секретариате об итогах профсоюзной конференции в Монтевидео и о I конференции коммунистических партий Латинской Америки. 12 июля 1929 г. — Коминтерн и Латинская Америка, с. 113.

³² Там же, с. 123—124.

³³ Там же.

³⁴ Товарищам венесуэльским коммунистам! Письмо Латиноамериканского Секретариата КИ (Москва, 8 января 1930 г.). — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 16, л. 1.

³⁵ Там же, л. 2.

³⁶ Там же, л. 2—3.

³⁷ Некоторые проблемы в связи с революционным движением в Латинской Америке. Май 1930 г. — Коминтерн и Латинская Америка, с. 146

³⁸ Подробнее см.: В.Л.Х е й ф е ц, Л.С.Х е й ф е ц. Коминтерн и формирование компартии Колумбии. — Латинская Америка, 2008, № 4.

³⁹ Директивы по работе делегации КИ в Колумбии. 25 ноября 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 27, л. 5—6.

⁴⁰ В Колумбии в ее работу включился Джеймс Хартфилд («Хайме Неварес Сагер»). — А.М о с к е р а. Принципы, проверенные жизнью. — Великий Октябрь и современный мир. Международная практическая конференция, посвященная 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Прага, 1977, с. 458.

⁴¹ Состав семейной группы был еще шире, если учесть что женой М.Фортуля была сестра Р. и Л. Мартинесов.

⁴² F. K e u S a n c h e z. Fundación del Partido Comunista de Venezuela. Caracas, 1982, p. 13, 17—20.

⁴³ Практические предложения по вопросу об организации КП Венесуэлы (КПВ). 2 декабря 1929 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 79, д. 72, л. 7—7 об. Автором плана, очевидно, был С.Пестковский.

⁴⁴ Там же, л. 8.

⁴⁵ Товарищам членам Центрального Исполнительного Комитета и членам местных секций «Революционной партии Венесуэлы». Париж, 26 февраля 1930. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 16, л. 6.

⁴⁶ Там же, л. 7—9.

⁴⁷ Письмо Р.Мартинеса «Товарищам венесуэльским коммунистам за границей» [1929 г.]. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 10, л. 33.

⁴⁸ Там же, л. 37.

⁴⁹ Там же, л. 33. Во время встречи Карлоса де Леона и Аревало Седеньо с эмигрантами в Нью-Йорке, Карлос Флери категорично заявил: «Мы — не пушечное мясо, эти времена прошли».

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, л. 35—36.

⁵² Там же, л. 36—37.

⁵³ Там же, л. 37, 41.

⁵⁴ Там же, л. 38.

⁵⁵ В конце своего письма Мартинес оговаривается, что оно выражает его личное мнение и «НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ДОЛЖНО ОТОЖДЕСТВЛЯТЬСЯ С МЕСТОМ ЕГО НАПИСАНИЯ (выделено в тексте документа. — *В.Х., Л.Х.*). Я работаю над планом профсоюзной и политической работы, который мы, товарищи, проживающие здесь, вскоре представим». — Там же, л. 43. Но любому дисциплинированному коммунисту было ясно: обращение, написанное в Москве, работником штаб-квартиры Профинтерна, занятым важной работой по стратегическому планированию, должно придать направление к действию.

⁵⁶ «Каждый мнит себя героем, видя бой со стороны», писал Шота Руставели. Практическая деятельность Мартинеса резко расходилась с его декларациями. Он, в отличие от Мачадо и де ла Пласы, не стремился проникнуть в страну для практической работы в условиях диктатуры, а довольствовался ролью международного чиновника от мировой революции. Конечно, эта деятельность тоже была далека от тепличных условий, но ее невозможно сравнивать с подпольной борьбой против тирании. Вернувшись на родину через несколько лет после смерти Х.В.Гомеса, Мартинес призывал к поддержке правительства генерала Медины, выступал против сотрудничества РСВ с Демократическим движением (*Acción Democrática, AD*), способствовал расколу партии и был исключен из нее (1951 г.). В 1973—1974 гг. он поддержал Социал-Христианскую партию (*Partido Social Cristiano, COPEI*) против РСВ.

⁵⁷ Аргентинец Хорхе Пас (Луис Иполито Эчевере), которого Мачадо мог также знать во время пребывания на Кубе, работал в это время в Лиге профсоюзной пропаганды (США).

⁵⁸ Письмо Г.Мачадо С. де ла Пласе. Париж, 19 апреля 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 16, л. 25. См. также: В.Л.Х е й ф е ц, Л.С.Х е й ф е ц. Забытый генсек. Очерк политической биографии Хорхе Виво д'Эското. — Латинская Америка, 2011, № 4.

⁵⁹ Письмо Г. Мачадо «Товарищам членам ВКГ». Париж, 5 апреля 1930 г. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 16, л. 21.

⁶⁰ Там же, л. 22.

⁶¹ Там же, л. 24.

⁶² Там же, л. 23—24.

⁶³ Письмо Г.Мачадо С. де ла Пласе. Париж, 19 апреля 1930 г. — Указ. соч.

⁶⁴ Там же, л. 27. У Г.Мачадо была серьезная личная проблема: висящее на нем «постыдное обвинение, брошенное Сандино», заподозрившим своего представителя в Мексике в присвоении средств, собранных для поддержки борьбы; лишь позже стало ясно — тот не был виновен. Мачадо недоумевал: «Я не жалуясь по поводу того, что Комитет «Руки прочь от Никарагуа» не опроверг категорически это обвинение, опубликовав счета и оригинал чека, подписанного Сандино. Я согласен с принесением моей революционной репутации в жертву; я допускаю, что если КПМ считала необходимым не рвать с Сандино (а защита одного из членов партии означала бы такой разрыв), то в тот момент защиту не надо было осуществлять. Однако выяснение слишком уж затянулось. <...> И что уж совсем выходит за рамки, так это решение КПМ РЕАБИЛИТИРОВАТЬ (выделено в тексте документа. — *В.Х., Л.Х.*) Сандино, тогда как мне даже не ответили, могу ли я защищаться от подлой клеветы. <...> ДИСКВАЛИФИЦИРОВАННЫЙ революционер не может ставить вопросы, которые требуют абсолютно чистого «послужного списка». Пока моя партия меня не РЕАБИЛИТИРУЕТ, пока мне не будет дано право защищаться, пока надо мной висит обвинение «обманщика революции», я отказываюсь заниматься какой-либо публичной деятельностью. По крайней мере, если мне не будет это приказано». — Там же, л. 26.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, л. 25. Мачадо, естественно, не называет фамилий, однако представляется, что речь идет о людях, составивших в скором будущем основу «первой ячейки РСВ».

⁶⁷ Там же, л. 26.

⁶⁸ Письмо К.Фортуль в Латиноамериканский Секретариат КИ. [до 25 июня 1930]. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 107, д. 16, л. 38.

⁶⁹ Там же, л. 38—38 об.

⁷⁰ Письмо Р.Мартинеса «Товарищам венесуэльским коммунистам за границей», л. 39.

⁷¹ См.: Э.С.Д а б а г я н. Национал-реформизм в современной Венесуэле. М.: 1972; Л.М.Е р м а к о в и ч. Венесуэла: диктатура Хуана Висенте Гомеса. Политические силы в поисках пути развития страны. — История Латинской Америки. 1918—1945. М., 1999, с. 289—295.